

Хан Джун У мертв.

Не в буквальном смысле, но существо, известное как Хан Джун У, погибло внутри этой пирамиды.

В школе воцарился хаос. Несмотря на то, что сейчас они стерты сотнями ровных отпечатков кроссовок и поднявшейся пылью, всего несколько часов назад на детской площадке виднелись изогнутые следы шин.

Когда пронзительный вой сирены ударил по ушам, все студенты бросились к окнам. Их тусклые, безжизненные глаза уставились на витрины, словно вяленый минтай, развешанный на рыбном рынке. В школе было так шумно, что крики из соседнего класса доносились до нашего через окна.

— Что происходит?

— Ты не знаешь? Идиот, в соседнем классе драка.

— Что? Кто?

— Этот парень, Хан Джун У и Го Ёхан.

— Вау, черт возьми... Это безумие. Как я мог это пропустить?

Мы старшеклассники — в самом конце подросткового возраста. В то же время мы оставляем позади этот чрезвычайно утонченный, погруженный в себя индивидуализм, испытываем бесконечный стыд за себя в прошлом и наслаждаемся простыми, жестокими и взрывоопасными эмоциями. Так что такая реакция вполне естественна.

— Эй, у кого-нибудь есть друг в соседнем классе? Разве эти двое не были близки? Как они в итоге поссорились?

— Разве до вас не доходили слухи о Хан Джун У?

В нашем классе было много людей, взволнованных тем, что они оказались в центре внимания, тех, кто смиренно принял поражение, и тех, кто наслаждался тем, что находится на стороне победителей. За окном была припаркована белая машина скорой помощи. В течение следующих тридцати минут главной сплетней в школе были личности тех, кто вызвал скорую. Мы все знаем, как быстро распространяются слухи в нашей пятиэтажной закрытой частной школе.

Итак, кто победил?

Те, кто узнал правду о случившемся, не беспокоились о двух студентах, которые были ранены настолько серьезно, что их увезли на машине скорой помощи. Вместо этого они радовались исполнению маленького, но странно искреннего желания, загаданного в начале семестра.

Го Ёхан.

В подобных поединках, как правило, нет однозначных победителей. Поединки один на один, в частности, имеют тенденцию к такому результату. Однако все в сегодняшней драке было в пользу Го Ёхана. Слухи, которые распространились заранее, только усилили уверенность в поражении Хан Джун У.

В грязных коридорах этой мужской средней школы люди говорили:

— Оказывается, Хан Джун У гей.

— Что? Разве он не пользовался успехом у девушек?

— Черт! Эй! Это все чушь собачья! Очевидно, ему были нужны только задницы. Говорят, что все парни, над которыми он издевался, были изнасилованы. Это ужасно. И он из богатой семьи, верно? Если у тебя есть деньги, ты все можешь сделать. Ты можешь просто пойти в бордель.

— Ух ты, блядь. Я никогда не видел Хан Джун У таким; оказывается, он настоящая шлюха.

— Хе-хе. Ух ты, хотел бы я родиться с золотой ложкой. Даже гей может сходить в бордель. Но разве в Китае не дешевле? Мы ведь собираемся в Китай на школьную экскурсию, верно? Думаешь, мы сможем ускользнуть в свободное время? Хочешь пойти?

Разговор закончился не о Хан Джун У, а о каком-то захудалом дешевом борделе в Китае. Тем не менее, в ходе этого короткого обмена репликами честь Хан Джун У была задета дюжину раз и, в конечном счете, он был убит. Это убийство умножается на количество учеников в школе.

После проигрыша Го Ёхану Хан Джун У превратился в настоящую тряпку — как будто все ждали его падения.

В классе царил покой, а не страсть. Взгляды всех присутствующих метались взад-вперед, словно метрономом, между красными точками. Пол в задней части класса все еще был в темно-красных пятнах. Должно быть, она уже высохла, но мне казалось, что если надавить, то потечет кровь.

Было неожиданно увидеть, как отреагировала наша робкая классная руководительница, которая, казалось, была готова расплакаться при виде случившегося. Следующим уроком была самостоятельная работа. В классе царил оживление по поводу этой животрепещущей темы,

но оно мгновенно улеглось, когда пришла учительница. Как только она вошла, то швырнула то, что держала в руках, на пол, разбив это вдребезги, и издала пронзительный крик, от которого могли разорваться уши.

— Что, черт возьми, с вами не так! Вы, вы, идиоты! Вы что, думаете, я шучу? Почему вы так живете? Прекратите это. Прекратите, я сказала! Почему вы шумите во время самостоятельной работы! Сейчас подходящее время для разговоров? В следующем году вы перейдете в старшие классы! Старшеклассники! Пожалуйста, выслушайте меня и перестаньте создавать проблемы! Вы знаете, что я должна нести ответственность за все ваши действия! Мне не следовало приходиться в школу для мальчиков. Я даже не хотела приезжать в это место. Я чувствую, что схожу с ума. Если вы будете так жить, ваша жизнь превратится в сплошной мусор, неужели вы этого не понимаете? Неужели вам не жаль своих родителей? И сколько раз я должна говорить, чтобы вы молчали во время самостоятельной работы!

Большинство здравомыслящих людей, увидев, как такой робкий человек внезапно взрывается, закрыли бы рот, но это школа для мальчиков, место, переполненное всевозможными недоллюдьми. Кто-то пренебрегает здравым смыслом, кто-то еще не дорос до своего жалкого школьного возраста, а некоторые, хотя и учатся одинаково, настолько тупы, что совершают идиотские поступки. Наш класс именно такой.

— Э-э-э, учитель сумасшедшая. Злится! Не злись!

— Забавно, когда учитель злится.

Кто-то, сидевший в самом конце коридора, заговорил.

— Ты придурок! Ты что, думаешь, я шучу?! Ты, выходи сюда. Выйди вперед!

— Эй.... Почему вы такая?

— Я сказала, выходи!

Учительница швырнула журнал посещений. Он пролетел между партами, ударился об угол парты в третьем ряду и упал на пол. Журнал учета посещений, потеряв скорость, издал громкий звук.

— Мне жаль. Я больше не буду так делать. Пожалуйста, простите меня. Хорошо?

Он продолжал ухмыляться, не выказывая ни малейшего раскаяния. Всегда найдется какой-нибудь посредственный панк, не популярный и не отъявленный изгой, который выкинет подобные трюки. Неряхи ведут себя вызывающе. Они выпендриваются, притворяясь крутыми. Но только они не понимают, что этот блеф самый неуклюжий и жалкий в мире.

— Выходи. Или мне подойти?

— Ах, учитель! Не слишком ли это много! Серьезно!

— Эй!

— Заткнись, учитель сказал тебе выйти.

Я больше не мог этого выносить. Не выдержав, я заговорил. Взгляды класса обратились на меня, но мне было все равно, и я наблюдал за этой трогательной сценой. Честно говоря, это было так нелепо, что я чуть не рассмеялся. Мне очень нравятся подобные ситуации.

Я не силен в драках и не веду себя как преступник, притворяясь крутым, но причина, по которой я занимаю довольно высокое положение в этих джунглях, в том, что я питаюсь такими парнями.

— Эй, Кан Джун. Почему ты вдруг стал таким серьезным?

— Это ты не умеешь читать обстановку в классе.

Конечно, это произошло не в одночасье. В период установления иерархии в первый год было некоторое сопротивление, но сейчас это так же приятно, как погружение в тишину.

— Да. Прекрати шуметь и убирайся. А, серьезно, ты что, не можешь прочесть, что происходит в классе? Неужели ты не понимаешь, насколько это серьезно?

— Если тебе жаль, то убирайся. Из-за тебя мы все попадаем впросак. Ты придурок.

— А, что с ним? Серьезно. В чем его дело?

Я слышал, как Ким Минхо что-то бормотал себе под нос до самого конца. Уверенный вид, который был у него, когда он поддразнивал учителя, постепенно угасал, как тлеющий уголек. Под давлением всего класса он, наконец, встал и вышел вперед.

Я украдкой криво улыбнулся. Хан Джун У пал. И ничто не могло бы сделать меня счастливее. Возможно, это связано с тем, что Хан Джун У однажды замахнулся на меня кулаком.

Нет, я уверен в этом. Я чувствую себя оправданным. Честно говоря, я был немного удивлен самим собой. И я чувствую этот волнующий трепет, когда ко мне возвращаются силы.

— Выйди в коридор прямо сейчас!

—....

Выпроводив шумного дурочка, классная руководительница положила руку на трибуну и некоторое время молча сдерживала свой гнев. Возможно, она собиралась с мыслями, потому что во многих отношениях ей повезло, что ее тон значительно успокоился. Затем она объявила, что обзвонит каждого студента по очереди, чтобы расспросить о том, что произошло на самом деле.

— Я обещаю, что сохраню это в тайне. Поэтому, пожалуйста, скажите мне правду. Не заставляйте меня разочаровываться. Пожалуйста, я умоляю вас.

Казалось, она была полна решимости выслушать беспристрастный отчет, но, как женщина-учитель, она, похоже, все еще не понимала, что такое мир пирамиды, в котором все - мальчики. Как только время самостоятельной работы закончилось, и учительница - ее лицо все еще пылало — перевела дух и ушла, Ли Сокхен закрыл окна и дверь класса и предупредил всех.

— Следи за тем, что говоришь. Прими правильное решение о том, кто останется здесь — Го Ёхан или этот ублюбочный гей.

— Хан Джун У нанес первый удар. Ты понимаешь это, да?

Вмешался Ким Минхо. Такая восхитительная преданность, не правда ли?

И меньше чем через неделю Го Ёхан вернулся в школу.

Го Ёхан вернулся, щеголяя распухшей челюстью, покрытой синими синяками. Его нос, должно быть, был сломан, потому что на нем была квадратная повязка, залепленная несколькими слоями скотча. Однако, в отличие от его изможденного лица, энергия, исходившая от него, была более внушительной и высокомерной, чем когда-либо. Он широко улыбнулся, затем постучал указательным пальцем по своему теперь уже идеально вставленному клыку. Я издал легкий смешок в ответ.

Сразу после драки Го Ёхан как ни в чем не бывало поднялся на ноги и направился к машине скорой помощи. Это было странно, но так ярко, что привлекло внимание, что в течение нескольких дней все только и говорили об этом. Я поспешил за ним. И как раз перед тем, как он забрался в машину скорой помощи, я протянул ему пакет молока.

— Это твое. Скажи, что пакет упал на землю, и скажи им, что ты можешь подхватить столбняк, если не продезинфицируешь его.

В этот момент Го Ёхан вытер лицо левой рукой и посмотрел на меня. Но кровь, уже засохшая, никак не желала смываться. Честно говоря, видеть, как половина его лица покрылась алой коркой, засохшей до ржавого оттенка, было не совсем приятным зрелищем. Я сосредоточился

на том, как его необычно маленькие зрачки были прикованы к моей руке. В таком окровавленном состоянии он заговорил, и я напрягся, чтобы слушать, застигнутый врасплох.

—...Я позвоню тебе.

Его рука, покрытая коркой засохшей крови, коснулась моей щеки. Это был резкий жест.

—...А?

Все, что я мог сделать, это стоять там, ошеломленный.

Вскоре после этого он написал мне, что большинство нервов все еще живы, и им удалось все восстановить. И как только он вернулся в школу, Го Ёхан занял место рядом со мной. Когда появился мой первый сосед, Ёхан, даже не взглянув на него, указал большим пальцем на другой пустой стул. Парень спокойно уселся в другом месте.

Прежде чем я осознал это, этот придурок уже сидел рядом со мной, дважды быстро коснувшись моего плеча указательным и средним пальцами. Потом он вдруг сказал,

— Вот тебе подарок.

— Что? Что значит подарок?

— Заткнись и разожми ладонь.

Я отложил механический карандаш и раскрыл ладонь. В то же время он осторожно положил на нее что-то. Я почувствовал, как что-то сморщилось в центре моей ладони, и это немного выбило меня из колеи. Когда он убрал свою большую руку с моей, я увидел один сломанный зуб без корня и другой, у которого корень был полностью цел.

Что это, черт возьми, такое? Озадаченный странным желтоватым концом зуба и темно-красными пятнами, прилипшими к нему, я взглянул на Го Ёхана. Он откинулся на спинку стула, ухмыляясь.

— Я заставил Хан Джун У жевать мясо искусственным зубом до конца его жизни.

Затем он передернул плечами, смеясь так, словно ему действительно было весело — как простодушному ребенку.

— Ты видел?

—...

— Я победил.

Этот гребаный парень.

Единственным, кто не выказал ни малейшего раскаяния, был Го Ёхан. На мгновение я чуть не швырнул этот зуб в стену.

Возвращение Го Ёхана вызвало новый переполох в школе. В конце концов, он был первым вновь появившимся главным героем, его лицо не было таким разбитым, как ожидали люди, и в нем не было ничего от мрачной ауры побежденного.

Слухи о том, кто победил, быстро распространились среди второкурсников. Большинство людей, которые действительно знали о том, что произошло, учились на нашем курсе. Для первокурсников драма второго года обучения - это нечто интересное, но о чем трудно узнать больше без друзей в нашем классе. Для третьекурсников, погруженных в бесконечную подготовку к экзаменам, это либо приятная приправа, нарушающая монотонность, либо вредная добавка, мешающая им сосредоточиться. Но для нас, второкурсников, это было важное событие, которое мы запоем на всю оставшуюся жизнь.

— Ёхан, ты спятил? Ты что, с ума сошел? Я имею в виду, черт возьми, я с самого начала знал, что ты ненормальный, но я не думал, что ты настолько сумасшедший ублюдок.

— Сокхен-а. Лающую собаку нужно поколотить палкой, чтобы она знала свое место.

В ответ на слова Ким Сокмина Ким Минхо вскочил со своего места.

— Ёхан, ты мудака, чувак. Сокхен! Ты должен сохранить свою мужскую гордость. Если ты будешь помягче с этим ублюдком-геом, то можешь в конце концов подставить ему свою задницу. Черт, если что-то и должно получиться, то лучше это сделаю я!

Ким Минхо, который сидел на столе Хан Джун У, топнул ногой и рассмеялся над этой глупостью. Затем Ким Сокмин уверенно раздвинул ноги.

— Люди задавались вопросом, кто победит, если вы действительно будете драться, но, конечно, это был бы Го Ёхан.

— Да. Очевидно. Ты придурок! Ты вообще знаешь, кто такой Ёхан? Этот идиот был ненормальным с первого курса!

Ким Минхо издал пронзительный крик и игриво поднял кулак. Ким Сокмин встал и сжал кулак

Минхо в своей ладони. Так начался их шуточный спарринг. И вот, рядом с Ким Сокмином в неловкой позе сидел Пак Дончоль.

— Ёхан - это совсем другое дело.

Но ему никто не ответил. Вероятно, потому, что он просто повторял то, что говорил несколько мгновений назад, и единственный человек, который раньше обращал на него внимание — Ким Сокмин — теперь был занят тем, что дурачился с Ким Минхо. Пак Дончоль потер нос большим пальцем и выдавил из себя неловкий смешок. Он очень хорошо знал, что никому нет до него дела. Несмотря на это, быть с другими было лучше, чем быть одному.

Видите это, учитель? Это пирамида никчемных людей.

Подперев подбородок тыльной стороной ладони, я вытащил из переднего кармана две купюры по тысяче вон. Затем, как будто только что вспомнил, я немного разыграл сцену.

— О, точно. Дончоль. Я ведь еще не вернул тебе деньги, не так ли? За молоко.

В тот момент, когда я произнес слова сочувствия, глаза Пак Дончоля загорелись надеждой, и на его лице появилась дешевая улыбка. Я протянул ему аккуратно сложенные купюры, как будто занимался благотворительностью.

— Вот.

— О, да. Спасибо.

Идиот. На самом деле, за что мне быть благодарным? Но я выразил ему сочувствие, и слышать, как он говорит "спасибо", было странно приятно. Потому что этим словом он открыто признал, что я выше его по рангу. И как только Пак Дончоль заговорил, Ким Минхо и Ким Сокмин, которые до этого бездельничали, проверяя друг друга на прочность, остановились и спросили:

— Молоко? Что, черт возьми, случилось с молоком?

— Джун спас мой зуб, вымочив его в молоке. Без этого мне пришлось бы жить с имплантатом всю оставшуюся жизнь.

Го Ёхан оскалил зубы и постучал пальцем по верхней губе над клыком. Ким Минхо снова спросил:

— Что такого особенного в молоке? В молоке есть что-то полезное?

— Этот дебил тупой или как? Тебя что, не учили класть выбитый зуб в молоко?

— О, так вот в чем дело? Эй, Кан Джун, ты чертовски умен, да.

Ким Минхо потряс меня за плечо. Увидев это, Го Ёхан хихикнул и хлопнул Минхо и Сокмина по спидам правой рукой.

— Вы бесполезные идиоты. Будьте тем, кто действительно приносит пользу моей жизни, как Джун.

Я наблюдал за выходками Го Ёхана с легкой улыбкой, затем повернул голову. Пак Дончоль снова оказался в изоляции. Но он улыбался. А позади него, словно раздраженные нашим шумом, стояли Чхве Донхван и Хон Хуэйцзюнь, которые смотрели в нашу сторону. Глядя на них, я расхохотался еще громче, чем Пак Дончоль.

Действительно, я не ошибся.

<http://bllate.org/book/12586/1118476>